

Баймет (1716 г.) — от тюрк. *бай*, араб. *мет* 'прославляемый'; *Балезин* (1646 г.) — удм. *бала* 'овца, ягненок'; *Балаян* — удм. 'рысь'; *Бибинур* (1850 г.) — *биби* 'госпожа', араб. *нур* 'сияние, блеск, луч'; *Бөдёнә* — удм. 'перепелка'; *Василя*, *Василь*, *Васюка*, *Васина*, *Васинья* — от рус. *Василиса*; *Володимер* (1678 г.), *Ладимер*, *Лади* — от рус. *Владимир*; *Гирой*, *Герей*, *Гири*, *Гиргор*, *Гирыш*, *Гириша*, *Горай* — от рус. *Григорий*; *Зарни* (1716 г.) — удм. 'золото'; *Жегай* (1716 г.) — удм. 'медлительный, кропотливый'; *Зор* (1615 г.) — удм. 'дождь'; *Кельмак* (1716 г.) — тюрк. 'прийти, прибыть'; *Миквор* (1678 г.) — от рус. *Никифор*; *Микаль*, *Микаля*, *Микол* — от рус. *Николай*; *Нинег* (1678 г.) — удм. 'нежный, ласковый'; *Почаш* (1615 г.) — удм. 'зяблик, щегол'; *Ожмег* (1557 г.) — удм. 'война, битва, бой'; *Одй*, *Одок*, *Одоть*, *Отёк*, *Очок* — от рус. *Евдокия*; *Оддоким*, *Оддокей*, *Дока*, *Доки*, *Докей* — от рус. *Евдоким*; *Такъян*, *Такъянай*, *Такай*, *Татй*, *Таток* (1716 г.) — от рус. *Татьяна*; *Туганай* (1716 г.) — тюрк. 'луна, месяц'; *Эмель*, *Эмеллян*, *Омель*, *Лемель*

(1678, 1716 г.) — от рус. *Емельян*; *Шиндзя* (1615 г.) — удм. 'счастье'; *Юн* (1646 г.) — удм. 'крепкий, сильный, прочный'; *Язпын* — удм. 'язь'; *Яндемир* (1716 г.) — тюрк. *ян* 'душа, дух, жизнь', *темир* 'железо'.

Всего в словарь включено свыше шести тысяч имен удмуртов с момента их первой фиксации (середина XVI в.) и до наших дней. Жаль, что не все имена, имеющиеся в картотеке автора, а их более 10 тысяч, из-за ограниченного объема попали в книгу.

Бесспорно, исследование М. Г. Атаманова достойно продолжает лучшие традиции предшественников автора — Г. Е. Верещагина, К. Герда, Т. И. Тепляшиной, Г. А. Архипова, В. К. Кельмакова и др. и знаменует собою новый этап в изучении удмуртской антропонимии. Словарь рассчитан на научных работников — исследователей именников финно-угорских, русского, тюркских народов, краеведов и писателей, а также на широкий круг читателей, интересующихся вопросами происхождения личных имен.

В. Е. ВЛАДЫКИН (Ижевск)

<https://doi.org/10.3176/lu.1992.3.13>

Р. Н. Бузакова, Грамматическая синонимия в мордовских языках. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук, Саранск 1991.

26 февраля 1992 года на заседании Совета по защите докторских диссертаций при Тартуском университете состоялась защита докторской диссертации Р. Н. Бузаковой на тему «Грамматическая омонимия в мордовских языках». Оппонентами на защите выступили профессора доктора филологических наук Э. Вяэри (Тарту), М. Мосин (Саранск), Л. Васикова (Йошкар-Ола).

Отсутствие работ по грамматической синонимии в мордовских языках, стремление понять глубже системный характер языка, установить общее в различном, выявить закономерности возникновения общих по семантике языковых единиц и их функционирование в грамматике обусловили разработку данной проблемы. Грамматическая синонимия недостаточно изучена и в отношении других финно-угорских языков бывшего СССР. Имеются лишь отдельные статьи, в которых

освещаются вопросы морфологической и синтаксической синонимии. Теоретические положения данного исследования представляют интерес для мордовского и финно-угорского языкознания. Восполняя определенный пробел в мордовском языкознании, работа представляет собой первый опыт научного изучения и описания грамматической синонимии в мордовских языках.

Исследование состоит из введения (с. 8—23), пяти глав и заключения (с. 86—409). К нему приложены пять таблиц. Объем вместе с приложением — 463 страницы.

В первой главе «Проблема грамматической синонимии» даются краткие сведения из истории изучения грамматической синонимии в языках различных систем, рассматриваются теоретические основы грамматической синонимии, определяются критерии разграничения лексических,

морфологических и синтаксических синонимов, отграничения синтаксических синонимов от смежных явлений — синтаксических параллелей, вариантов.

Во второй главе «Морфологическая синонимия» богато представлена синонимия падежных форм существительных, числа, синонимичных суффиксов, лично-притяжательных форм местоимений, глагольных суффиксов, форм лица, числа, времени и наклонения глагола. Выявляются стилистические оттенки некоторых синонимичных морфологических форм.

В третьей главе «Синтаксическая синонимия» рассматривается синонимия словосочетаний: составлены структурные схемы синонимичных конструкций, описана их трансформация. Наиболее полно представлена синонимия именных и глагольных словосочетаний. Несомненно, большую роль здесь сыграл личный опыт автора, внесшего определенный вклад в изучение синонимии словосочетаний мордовских языков. В этой же главе рассматриваются синонимичные сравнительные конструкции. Р. Н. Бузакова приходит к выводу: в создании сравнительных синонимичных конструкций важную роль играют союзы *теке, прок — прокс, було — бта, кода*, послелоги *ладсо — лапа*, а также словосочетания с зависимыми существительными в компаративе. Составленные автором модели свидетельствуют о богатстве синонимии на уровне словосочетаний.

В четвертой главе «Синонимия простого предложения» описываются структурные модели синонимичных простых предложений и их синонимические возможности. Чаще других синонимичны двусоставные и односоставные простые предложения, обладающие общностью содержания.

В пятой главе «Межаспектная синонимия» исследуются вопросы, связанные с синонимическим рядом: простые предложения, сложноподчиненные предложения и бессоюзные сложные предложения. Автор выявляет типы простых предложений, которые можно трансформировать в сложные и наоборот. В этой же главе анализируется синонимия прямой и косвенной речи.

Каждая глава завершается выводами. Теоретические положения автор подтверж-

дает примерами из художественной литературы и фольклора.

Рецензент имеет некоторые замечания по работе Р. Н. Бузаковой.

В исходных положениях ее нет четкости в определении синонима. На с. 37 сказано: «Синонимы — это слова, различные по звучанию, сходные по значению и различающиеся оттенками значений или стилистической принадлежностью». Это определение не охватывает синонимы в целом как лингвистические единицы. Правда, далее указывается, что синонимия в грамматике отличается от лексической, что синонимы в лексике и грамматике могут быть представлены в виде системы. Это необходимо было включить и в определение синонима, т. е. в определении охватить синонимы и лексические, и грамматические.

Далее автор, отмечая проблемы, разработка которых важна как для лексической, так и для грамматической синонимии, перечисляет восемь признаков только лексической синонимии (с. 37—47). Определение морфологических и синтаксических синонимов, а также критерии их выделения даются в других разделах (с. 50, 59—71).

Отмечая взаимосвязь морфологии и синтаксиса при установлении синонимического ряда, автор пишет о необходимости учитывать взаимосвязь морфологии с синтаксисом. Она подчеркивает, что морфологические единицы реализуют свои значения при функционировании, будучи элементами синтаксических построений. «Включение того или иного построения определяет их содержание» (мысль непонятна). Отмечается также, что морфологические «парадигмы притягивают к себе» некоторые синтаксические сочетания. В мордовских языках значение императива могут передавать глагольная форма, сложноподчиненные предложения с придаточным времени, условное придаточное предложение: *Улиндерят Ленинградсо, мольть Эрмитажов* (глагол-императив) — *Зярдс улят Ленинградсо, мольть Эрмитажов* (обстоятельство времени) — *Бути улят Ленинградсо, мольть Эрмитажов* (условное придаточное). Что означают выделенные рецензентом слова? Наверное, правильное: семантическая общность (в данном случае значение императива) может пе-

редаваться морфологическими формами и синтаксическими построениями (конструкциями).

Нельзя согласиться с положениями автора о синонимии форм времени глагола. Как она утверждает, переносное значение последних образует синоними (с. 53, 54, 171—173, 175—176). Р. Н. Бузакова пишет, что в определенных условиях возможна замена формы прошедшего времени глаголом настоящего времени (с. 171), формы настоящего времени используются вместо форм прошедшего для оживления рассказа, при воспоминании рассказчиком событий прошлого (с. 172). Констатация о переносном значении верна, но здесь нет синонимии.

Что такое морфологические синонимы? Определение автора: «Морфологические синонимы — это параллельные формы словоизменения и формообразования, сближенные принадлежностью к одной и той же морфологической категории (падежа, части речи) и различающиеся оттенками общего значения» (с. 186). Морфологические синонимы — это разные морфологические формы, характеризующиеся общностью грамматической семантики и составляющие синонимический ряд. Разве формы настоящего и прошедшего времени обладают общностью грамматической семантики и составляют синонимический ряд? Нет. Возможна перестановка временных планов: форма настоящего времени может употребляться вместо формы прошедшего времени, т. е. обозначать действие, совершившееся до момента речи, но это не имеет отношения к синонимии. Переносное употребление, перенос временных планов не создает синонимического ряда. В языкознании, к сожалению, не одна Р. Н. Бузакова рассматривает перестановку временных планов как расширительное значение временных форм глагола.

Р. Н. Бузакова ссылается на исследование М. Эрелта «Синтаксис прилагательных эстонского языка» (1980 г.) и считает синонимией случаи функциональной транспозиции в категории лица, когда форма 2-го лица множественного числа используется вместо формы 2-го лица единственного числа: *Tānan sind* 'Благодарю тебя' — *Tānan teid* 'Благодарю вас'. Аналогами в мордовских языках являются: эрз. *Пасиба тенть!* — *Пасиба*

тенть! (с. 180). Да, есть функциональная транспозиция в понятии лица, но нет различий в морфологических формах местоимений *sind* и *teid*, поэтому трудно говорить о синонимии.

Неудачен и пример, взятый у У. Чейфа: *An elephant likes peanuts* 'Слон любит земляные орехи' (с. 54—55), когда форма единственного числа употребляется для выражения множества предметов. Здесь тоже нет грамматической синонимии. Кстати, У. Чейф в работе «Значение и структура языка» (1975 г.), откуда почерпнут этот пример, не ведет речи о синонимии.

При перечислении критериев определения синтаксических синонимов (с. 62—64) логичнее переставить местами пункты 2 (взаимозаменяемость) и 3 (разноструктурность). Получится последовательность: 1) семантическая общность, 2) разноструктурность, 3) взаимозаменяемость и т. д. Это означало бы возможность взаимозаменяемости при условии семантической общности и разноструктурности синтаксических конструкций. В исследовательской работе при перечислении важнейшими являются два первых, обозначающих значение и форму как доминанту при описании любого языкового явления, в том числе и синонимии. Грамматические синонимы — это различающиеся (не тождественные) конструкции (в синтаксисе) и формы слова или его части (в морфологии), близкие или тождественные по значению.

При анализе синонимичных явлений значение и форма, бывает, отрываются друг от друга (с. 199—205). На с. 199 верно показаны форма и значение синонимического ряда: эрз. *цеця чине* — *цецянь чине* 'запах цветов' (с. 199). Далее на той же странице говорится о трансформации подобных словосочетаний в словосочетания со значением определенной принадлежности (с. 199—205): «Для этого зависимое слово становится в форме генитива» (с. 199). Непонятно, о каком синонимическом ряде идет речь? Все примеры здесь типа *цеця чине* — *цецянь чине* — в этом синонимическом ряду у второго словосочетания зависимое слово уже стоит в генитиве. Если поставить зависимый компонент первого словосочетания в генитиве, то разговор о синонимичности отпадает: словосочета-

ния окажутся структурно тождественны.

Определение синтаксических синонимов предполагает прежде всего составление синонимического ряда конструкций и только потом анализ их семантической общности или различий, иначе это будет не исследование синонимии, а описание значений тех или иных синтаксических единиц.

В связи с вышесказанным более выигрышно выглядит раздел «Синонимия глагольных словосочетаний» (с. 217—260), где даются краткое изложение значения словосочетания, структурная схема и примеры из художественной литературы: $V + N_{\text{gen}} - V + N_{\text{gen}} +$ эрз. *эйсэ, морд. эса*. Имя является прямым дополнением при переходном глаголе, указывающем направление действия на предмет. Пример к схеме: эрз. *Миколень кармасть каванямо — Миколень эйсэ кармасть каванямо* 'Николая стали угощать' (с. 218).

На с. 331 схемой $N_{\text{ном}} - VN_{\text{ном}}$ отражена синонимичность односоставного и двусоставного предложений, что отнюдь не бесспорно: эрз. *Варма — Пуви варма* 'Ветер — Дует ветер'. Совсем нельзя согласиться с другими примерами, не соответствующими этой структурной схеме: эрз. *Вить пеле вирь — Вить пеле сраत्वовсь вирь* 'Справа лес. — Справа сплошной лес'. Обе конструкции — эллиптические предложения. Во втором есть определение *сраत्वовсь*, которое не образует никаких вариантов конструкции, кроме лексического наполнения предложения как распространитель его структурной схемы.

По утверждению автора, односоставные и двусоставные предложения типа эрз. *Те ульнесь якшамо — Кодамо те ульнесь якшамо — Истямо те ульнесь якшамо* 'Это был холод — Какой это был холод — Такой это был холод' синонимичны (с. 335). Во-первых, здесь нет односоставных предложений, все три двусоставные. Во-вторых, нет синтаксической синонимии, так как нет конструктивных различий в структуре предложения. Можно говорить о лексической синонимии местоимений *кодамо* 'какой' и *истямо* 'такой' с семантической общностью в указательной функции.

И в названных выше номинативными эрз. *Теле — Те теле — Вана теле* 'Зима — Это зима — Вот зима' (с. 334), кроме лексической синонимии (*те* 'этот', *вана* 'вот'), нет синтаксических синонимов. Кстати, перевод *Те теле* 'Это зима' не отражает структуры номинативного предложения. *Те теле* — односоставное номинативное предложение (*те* — местоимение не с заместительной, а с указательной функцией в роли частицы), в переводе же получилось двусоставное предложение, верно: 'Это зима'.

Встает вопрос: что такое синтаксические синонимы? Определение у автора: «Синтаксические синонимы — это разновидность синтаксического параллелизма с такими признаками, как общность лексического состава двух или нескольких конструкций, единство содержания в них, однородность синтаксических отношений, разнородность структуры и связанные с ними различия в смысловых и стилистических оттенках» (с. 71). А что главное? Различия в конструкции и общность в синтаксической семантике. Поскольку в рассмотренных выше предложениях нет разновидностей синтаксического параллелизма — разнородности синтаксической структуры, они не синонимичны.

С точки зрения изложения материала раздел «Синонимия глагольных словосочетаний» (с. 217—260) мог быть более выигрышным при соблюдении двух условий: 1) соответствие подзаголовков синонимическому ряду, 2) чтение структурной схемы (вместо пространного описания). Синонимия предполагает синонимический ряд, а в подзаголовки выносятся только одна из конструкций ряда, к примеру: «Словосочетания глаголов с именами существительными в дательном падеже» (с. 219). Дана структурная схема: $V + N_{\text{dat}} - V + N_{\text{gen}} +$ *гуртов* (с. 220). В подзаголовке должна быть отражена синонимия словосочетаний, а не название одного из словосочетаний в синонимическом ряду.

Высказанные замечания не снижают ценности исследования. Работа в целом представляет большой научный интерес.

Л. П. ВАСИКОВА (Йошкар-Ола)